

ДАР ПРЕДВИДЕНИЯ

Ту ночь я не забуду никогда. Катер остановился в самом центре озера. Я знал Севан всяким. И идеально гладким зеркалом, в котором отражалось голубое небо с плывущими белыми облаками. И зеленовато-серым в туман. И розовым — ранним утром. И красным на вечерней зорьке. И свинцовым перед грозой. И пенистым в шторм...

Но то, что я увидел в ту ночь, можно было сравнить с неведомым шедевром неведомого живописца-лирика. Человеку всегда лучше запоминается необычное, непривычное. Мне кажется, нет ничего необычнее и непривычнее, чем смотреть на карту неба с серебряными звездами и золотым серпом, смотреть... с опущенной головой. Рисунок четкий, контрастный, фон иссиня-черный. Словно потеряно чувство пространства — небо вверху и внизу, как в космическом путешествии. И уж совсем дух захватывает, когда видишь, как на глазах тают звезды и месяц — растворяются в воде, постепенно меняющей цвет. Сначала вода светлеет. Потом розовеет. И вновь светлеет, напоминая само небо на рассвете.

Великим карабахцем называют моего земляка, Героя Социалистического Труда, академика Андраника Гевондовича Иосифьяна. Рабочий кабинет его в Москве увешан снимками, сделанными из космоса. Он подарил мне две фотографии. Цветные. Один снимок сделан зимой, другой — летом. На одном Севан — крохотная серая точка на белом бугристом фоне. На другом — голубая точка, словно росинка, упавшая на пестрый коврик.

Мне трудно решить, на каком снимке больше красоты.

Легенда гласит: вначале был сильный гром. Потом в воздух полетели раскаленные камни. Огненные реки потекли по склонам горы. В небо с шипением поднялось гигантское белое облако. Извержение вулкана. И... образовалось горное озеро. Вода под напором выходила из чрева Земли, ударялась о раскаленные камни — отсюда и гигантское белое облако: словно баня затопилась...

А может, все было иначе? Не вызывает сомнения лишь то, что озеро Севан вулканического происхождения. Образовалось оно от запруды лавой русла реки. Но мог ли действительно кто-либо увидеть это своими глазами?

В пятидесятые годы армянским ученым-археологам повезло, как, наверное, редко кому везет в жизни. И помогло им, как сами они писали, горе Севана.

Уровень озера из года в год катастрофически падал, и на обнаженном дне северо-западной его части были обнаружены крепости, могильники, целые городища и вообще «следы некогда кипучей жизни». Сегодня в Историческом музее Армении можно увидеть великолепно сохранившуюся деревянную повозку. Она извлечена из мавзолея, обнаруженного на бывшем дне Севана. Более трех тысячелетий скрывала толща воды могилу воина. Археологи и историки утверждают, что воин был человеком знатным. Об этом говорят драгоценные доспехи и украшения. А возможно, то был вождь одного из армянских племен, ибо тринадцать других воинов были с почетом захоронены вместе с ним.

Но, как известно, могильные курганы обычно располагались на окраине поселения, выше по склону. Так что сам город Бронзового века остался, по-видимому, под водой, ближе к центру озера.

Город, наверное, погиб мгновенно. Но, возможно, кому-то удалось спастись, уцелеть, как удалось спастись в Помпеях Плинию Младшему, который поведал миру историю их гибели. И здесь, в центральной части Армянского нагорья, уцелевшие, быть может, передавали из уст в уста рассказ о городе, который сначала накрылся огнем, потом белым облаком. Рассказ, превратившийся в легенду. Легенду, в которую до последнего времени не очень-то верили. Сомневались.

Правда, не вызывало никакого сомнения, что какой-то родниковый водоем, намного меньше сегодняшнего Севана, существовал всегда. Возможно, в огромной высокогорной чаше было несколько небольших озер. Об этом, по мнению ученых, говорит и одна из трактовок названия озера. На древнеармянском «иунна» означает «страна озерная». Есть и другая, более поздняя, версия. В IX веке на вершине острова, находящегося в километре от берега, был построен храм из черного базальта, получивший название «Черный монастырь» — «Сев ванк». Отсюда и «Севан».

На протяжении трех тысяч лет площадь озерного зеркала — 1415 квадратных километров, наибольшая глубина — около

100 метров, 58 миллиардов кубических метров почти абсолютной прозрачности воды. В Севан впадает двадцать восемь рек. Вытекает одна — Раздан. Поэты воспевали озеро, называя его жемчужиной. Максим Горький, глядя на сказочную панораму голубого озера, обрамленного островерхими горами, сказал: «Кусочек неба, упавший на землю».

Подобно тому как в стремительном лайнере не ощущаешь скорости, стоя у кромки воды, ничуть не ощущаешь того, что ты почти на два километра выше уровня моря. Напротив, кажется, что находишься где-то внизу. На дне. В глубине. А кругом, с четырех сторон, тебя окружают горы. Высокие горы. Присмотришься, напряжешь воображение — и непременно увидишь спину вздыбленного коня, крутые горбы верблюдов, профили бородатых мудрецов. Переведешь взгляд на водную гладь и как бы уяснишь для себя: нет Севана самого по себе. Есть цельная картина, которую взгляд охватывает разом. Величественная суrowsть, изваянная резцом. И Варденисский хребет — это Севан, и Гегамские горы, и тупые и островерхие безымянные вершины. Все Севан. И даже осязаемое чувство одиночества — это тоже Севан. В одной из книг путешественника прошлого читаю: «Чтобы понять, что такое одиночество, надо побывать на Севане. Здесь одинок не только человек, но и природа...» Такова в двух словах «биография» Севана и его основные «анкетные данные». Тридцать веков он был неизменным и своей неизменностью, своим постоянством привносил в край свой дух и свое дыхание — влажность и сухость, строгое чередование дней солнечного сияния и туманности. Словом, все то, что определяет климат. Час за часом, секунда за секундой, век за веком природа создавала чудо, каковым является и севанская вода.

Так, казалось, должно было быть всегда. Однако за каких-нибудь тридцать лет все изменилось. Площадь зеркала уменьшилась почти на двести квадратных километров, объем воды сократился примерно наполовину, прозрачность ухудшилась на 75 процентов. И уровень воды упал на восемнадцать метров. Тридцать веков существовал на озере редкостной красоты остров, за тридцать лет он стал полуостровом.

Я просматривал документы тридцатилетней давности. Везде и всюду писали о «воде Севана», имея в виду ее попуск из озера. Иные, претендующие на образность, говорили даже о «кровопускании».

Один из академиков писал в сороковых годах: «Вода для Армении — это жизнь, это возможность существовать». Я читал

эти слова и ловил себя на мысли, что все время вспоминаю моего мудрого и очень ироничного деда, который буквально издевался над каждым, кто высокопарно говорил о тривиальных, банальных вещах. Так и хотелось свести вместе моего доброго гения и ученого.

Другой ученый писал: «Воды озера, расположенные на целый километр выше Араратской долины, могут стать мощным многолетним регулятором равномерной подачи энергии». Все вроде бы верно. Но каким ужасом веет от словосочетания «многолетним регулятором»! То есть эти самые воды могут быть регулятором подачи энергии определенное количество лет, а потом... А потом — хоть потоп. Когда я читаю подобные строки, мне кажется, у их авторов нет детей, а посему никогда не будет внуков.

Справедливости ради надо сказать, что ученые не просто так решили выпустить воду из высокогорного озера, пойти на «кровопускание», а на основании научных аргументаций. Академик И. В. Егиазарян писал в 1947 году: «Больше миллиарда кубометров влаги ежегодно уходит бесследно (? — З.Б.) в виде испарений с водной поверхности озера... Единственное средство уменьшить эту бессмысленную (? — З.Б.) потерю — сократить поверхность озера». Ему вторили другие специалисты: «Надо за полвека снизить уровень на пятьдесят метров и тем сократить количество испарений». «Испаряющаяся вода — как деньги, которые бросают на ветер». И даже: «Вода уходит в никуда».

С маститыми учеными не соглашались поэты, которые не имели специальных гидротехнических знаний, но зато обладали такой «малостью», как дар предвидения. Рассказывают, что Аветик Исаакян спорил с одним из ученых — мол, почему это вода в виде испарений уходит «бесследно»? Почему называют это «потерями», ведь еще со школы мы помним о «круговороте воды в природе». Оппоненты поэта, ударившись в амбицию, пытались объяснить великому варпету, что, мол, писать поэмы — это одно, а вот земледелие и орошение — это другое. На это Исаакян отвечал словами мудреца: «Никакая нация не может достичь процветания, пока она не осознает, что писать поэму — такое же достойное занятие, как пахать поле». И от приглашения принять участие в пуске вод из озера Исаакян наотрез отказался. Было это в 1949 году.

Потекли вековые запасы вниз с высоты двух тысяч метров. По миллиарду кубометров в год. На метр в год падал уровень воды в Севане.

Испокон веков не только аборигены Севанского бассейна свое озеро называли морем, но и сами ученые-гидрологи утверждали, что оно имеет настоящий морской режим. Дышит мощными легкими, как дышит море. И, как море, обладает редкостным свойством самоочищаться. И все же странным кажется: море на высоте двух тысяч метров над уровнем моря. Другая планета. Здесь и воздух, и солнце особые. Если уж выглянуло солнце из-за туч — береги кожу. Жаркие лучи, легко прокалывая разреженный горный воздух, жгут точками, словно проходят через мелкое сито. Но стоит даже в самый знойный день шальному облачку хоть на мгновение закрыть лик светила, как все меняется тотчас же. Тело обдает прохладой, невесть откуда появляется зыбь на воде, воздух становится настолько острым и свежим, что, кажется, можно увидеть глазами эту самую свежесть. С началом осуществления нового проекта стали меняться биография и география края. Многие населенные пункты, некогда считавшиеся своего рода портами, в самом своем названии носившие корень слова «море», из года в год отдалялись на такое расстояние от воды, что их названия стали уже вызывать ироническую улыбку. Вода шла на выработку электроэнергии и орошение полей, особенно Араратской долины. Казалось, нет другого выхода. Ценой Севана нужно возродить землю.

А земли как таковой не было.

После трагических событий, пережитых армянским народом, установлена Советская власть. Двадцать девять тысяч квадратных километров занимает Советская Армения. 80 процентов ее — скалистые горы, мертвые каменистые зоны, напоминающие лунную поверхность. 5 процентов площади занимает озеро Севан. 9 процентов — леса. Из двадцати девяти тысяч квадратных километров лишь 4 процента плодородные участки. И ничтожные эти 4 процента разбросаны тысячами кусочков по всей республике.

Вот что досталось народу в ту суровую годину. Народу, который сам чудом уцелел благодаря Великому Октябрю. Из нескольких миллионов армян на той самой «лунной поверхности», названной Ованесом Туманяном «страной печали, страной сирот», осталось семьсот тысяч человек. Надо было выжить. И начать возрождение народа следовало с возрождения земли, а точнее, с сотворения ее. В своей книге «Путешествие по Советской Армении» Мариэтта Шагинян приводит данные из материалов историка Мовсеса Хоренаци о том, что еще во II веке до

нашей эры при первом армянском царе династии Арташесидов Арташесе Первом «не было невозделанной земли в Армении ни на горах, ни на полях». Впоследствии, после бесчисленных нашествий, эти самые горы и поля бьльем поросли, камни оголились. Враг сеял камни. Высохли родники. Так отмечали летописцы.

Но чтобы камни зацвели, нужна была вода. А воды тоже не было. Несколько крохотных горных речушек и озеро Севан — единственный источник питьевой воды. За последние тридцать — сорок лет в Армении высохло около тысячи больших и малых родников. Я объехал все родники, которые питают миллионный Ереван, двенадцатую по счету столицу Армении. Родники эти не будут бить вечно. Словом, говоря об этом озере, речь не просто о предмете гордости народа, воспетом поэтами. Речь — о будущем.

Спору нет, будущее невозможно без настоящего. А для настоящего Севан представлялся единственным спасением...

...И потекли вековые запасы. Конечно, когда сегодня, так сказать, с высоты времени, говорим мы об осязаемом возрождении республики, то понимаем — это и заслуга Севана тоже. Конечно, то, что мы называем проблемой Севана, совсем не однозначно. И тем не менее уже в самом начале пуска озерных вод оказалось, что поэты со своим даром предвидения были во многом правы. Случались годы, когда до 80 процентов попуска вековых запасов Севана попадало не на орошение, а в... Аракс. Из оставшихся 20 процентов чуть ли не половина уходила в землю.

Я давно обратил внимание: когда гостя привозишь к Севану, то еще задолго до того, как покажется гладь воды, торопись отметить, пожалуй, самое главное, самое драматичное. То, что мы давно уже едем по дну озера. По бывшему дну. И в подтверждение своих слов не преминешь показать рукой на очертания берега. А на более ровной поверхности бывшего дна уже трудно определить, где проходила эта самая граница.

В Тихом океане, на берегу которого я жил десять лет, я любил подолгу наблюдать за чайками, вслушиваясь в неистовый их крик. Дома у меня под потолком висели чучела гигантских альбатросов. Красивые птицы. Нет им жизни без моря. Да и морю было бы худо без них — верных санитаров. Есть чайки и на Севане. Только здесь они помельче и не такие уж голосистые. Менее подвижные, ленивые, что ли. Вроде бы понятно: высоко, низкая плотность воздуха. Надо тратить больше уси-

лий, чтобы удержаться на лету. Редко доводилось видеть, чтобы на всамделишном море чайка, падая камнем, в следующее мгновение не выбиралась бы из воды без улова. Она поднимается в небо, держа в клюве трепещущую серебристую рыбу. Старики рассказывают, то же самое раньше было на Севане. Сейчас можно видеть, как одинокая белая птица зачастую поднимается вверх без улова. Рыбы стало меньше. И чаек стало меньше.

Я обратил внимание и на то, что гости, прохаживаясь по бывшему дну, вглядываясь в свинцовую зыбь воды, молчат. Молчат, словно сговорившись. Лишь после я узнал, что гости мои не молчат. Они возмущаются. Они сопереживают. И думают. Думают о своем тоже.

Я долго беседовал на эту тему с очень уважаемым мною русским писателем Василием Беловым, который по-настоящему обеспокоен экологическим, а стало быть, и нравственным будущим страны. «Севан должен стать и уроком и укором для всех тех, — говорил Василий Белов, — кто надуманно берется менять, прямо скажем, географию Земли, создававшуюся ее величием эволюцией миллионы лет».

Казахский писатель Ануар Алимжанов, стоя у кромки воды Севана, рассказывал о проблемах Аральского моря. Он совершил путешествие по Аралу и видел несчастье озера своими глазами. И, словно переключаясь с Василием Беловым, повторил столь похожие и непохожие слова «урок» и «укор».

...В начале пятидесятых годов уровень воды падал с каждой секундой. И уже тогда все поняли, что надо что-то предпринимать. Вся страна заговорила о Севане. О возможных пагубных последствиях для экологии края. Однако попуск воды продолжался. Вот уж истинно: камень брошен, и его не вернешь из полета. Турбины электростанций должны вращаться, освоенные земли должны орошаться, пусть даже неизбежны фильтрации. Химическая промышленность, использующая вырабатываемую электроэнергию, должна давать продукцию.

Правда, тогда еще не думали о том, что через пару десятилетий придется потратить гигантские средства и усилия, чтобы попытаться ликвидировать последствия допущенных некогда ошибок. Дело в том, что химические предприятия сооружались, как ни странно, именно в оазисах, в то время как более 80 процентов территории республики составляли каменистые пустыри. Об этом мы подумали потом. Когда оголились скалы долины реки Дебед, когда поредели леса в окрестностях Киро-

вакана. Да, все это было потом. А тогда на глазах у всех медленно погибал Севан. И смертельная болезнь стала очевидной, осязаемой. Люди стояли перед дилеммой: нельзя не выпускать воду, нельзя не спасать Севан.

В конце пятидесятых годов страну облетела радостная весть: отменена пресловутая программа понижения уровня Севана на пятьдесят метров. Из сообщения печати тех лет: «Идя на встречу пожеланиям трудящихся Армении, Советское правительство приняло решение о сохранении озера Севан на высоких отметках и близких к природным уровням. Для этого необходимо прекратить слив вековых запасов вод озера и довести попуск воды до величины свободного стока в водном балансе озера...»

Именно тогда вспомнили поучительную армянскую легенду, от которой так упорно отмахивались в свое время проектировщики программы попуска вод Севана. Легенду о том, как каменотес сотворил родник в деревне. В отвесной скале он просверлил отверстие, из которого текла тонкая струйка живой влаги. Всякий, кто пересказывает эту легенду, непременно подчеркивает слово «тонкая». Тонкая струйка. Мол, не какая-нибудь, а вот... оптимальная. Говорят, мастер не оставил своего имени. Но на отшлифованном участке отвесной скалы высек слова о том, что скала эта священная и что отверстие нельзя расширять. Это уже табу. И не просто табу. Ведь скала священная. Значит, нарушив запрет, совершишь не просто преступление — святотатство. И все же спустя века нашелся-таки человек, который в угоду, так сказать, своим современникам взялся расширить отверстие. Вода пошла сильнее, шумнее. Человек этот был объявлен героем. Однако слава его продолжалась недолго. Вскоре высох родник. А за ним «высохла» и деревня.

Но вспоминали не только легенды, мифы и сказания о воде и жизни. Вспоминали историю. Две тысячи лет назад древние римляне решили выпустить часть вод высокогорного озера Фуцино. Тоже вулканического происхождения и тоже с водородом.

Документов «фуцинской проблемы» не сохранилось, но кое-какой след все-таки остался. Когда кончились запасы воды, высохла долина, которая орошалась ими. Но еще до этого высохло все окрест озера. Знакомясь с историей Фуцино, я узнал, что сегодняшние итальянцы даже спустя двадцать веков не хотят простить своих далеких предков. Тоже ведь и урок и укор.

Севан намного больше Фуцино. Значит, трагедия была бы намного внушительнее. Но, к великому счастью, трагедия была предотвращена. Историей даже зафиксировано то самое мгновение, когда началось спасение озера.

Полдень 24 декабря 1963 года. Недалеко от всемирно известного курорта Джермук, у древнего армянского села Кечут, раздался оглушительный взрыв-салют. Эхо его разнеслось по всей Армении, по всей стране. Взрыв этот оповестил о начале строительства уникального туннеля Арпа — Севан.

Для того чтобы сохранить баланс озера, нужна была дополнительная вода. И решили сотворить чудо. Проект туннеля казался фантастическим, нереальным, рискованным, дорогим. Однако других вариантов не было. Жизнь давно подтвердила народную мудрость: долг и любовь не имеют цены. Цена любви — любовь. На любовь Севана ответили любовью. Советская власть решила вернуть долг Севану... Река Арпа берет начало у отметки 3200 метров над уровнем моря. Длина ее — 126 километров. У села Кечут она проходит на отметке 1920 метров. Нынешний уровень Севана порядка 1900. Идеальный наклон. Расстояние между ними без малого 50 километров. Такова биография, родившая еще одну легенду. Строительство туннеля Арпа — Севан.

По проекту оно должно было завершиться к исходу седьмого года. Но за семь лет не успели. И за десять не успели. Вместо семи потребовалось семнадцать лет. Здесь, в толще лежащего между Арпой и Севаном вулканического Варденисского хребта, порой казалось, сама природа решила подвергнуть испытанию волю и характер человека. Маленькие дети первых проходчиков на финише строительства уже работали вместе с отцами или заменили их. Туннель длиной в целое поколение.

Мне посчастливилось пройти пешком и проехать на крохотных электровозах, именуемых «карликами», весь путь туннеля. Все сорок восемь с половиной километров. Не все, наверное, знают, что этот подземный канал — небеспрерывный, нецельный. Обрывается он на девятнадцатом километре, где проходит ущелье весело журчащей речки Ехегис, впадающей в Арпу. Сегодня через каньон переброшен мост-желоб, по которому идет вода. На дне ущелья у самого Ехегиса построено водосборное сооружение, благодаря которому дополнительная порция ехегисской воды поступает в канал. Таким образом, приток Арпы, изменив свое русло, ничуть не изменил самой Арпе. Ехегис вновь, как и тысячелетия, впадает в Арпу. А ведь

«дополнительная порция» не такая уж маленькая. Максимально по каналу может пройти до двадцати кубометров воды в секунду. Треть — за счет Ехегиса. Так что ставшее привычным для нашего слуха словосочетание «Арпа — Севан», как видим, не совсем верно и точно.

Здесь, у Ехегиса, несколько лет назад я спустился в клетки вниз. Уже через сто пятьдесят метров стоял такой шум, словно я находился у сопла реактивного двигателя. Потом появились отблески света, затих гул. Лифт плавно остановился. Глубина — 358 метров. Тотчас же попали в хваткие лапы холодных сквозняков. Сутки я провел с проходчиками. Работы шли днем и ночью. Бесперебойно. Затем я приезжал уже, когда бетонировали стены. И опять работа шла днем и ночью. За смену одна бригада проходит до четырех метров, укладывая до семидесяти тонн бетона. Смотришь на серое жидкое месиво, и не верится, что в скором времени оно не просто затвердеет, а постепенно превратится в камень. А по утверждению специалистов, в воде через сто лет бетон превратится в... гранит. Словом, строят на вечные времена.

Последние годы дело шло особенно туго. Странная картина получилась. За десять лет прошли чуть ли не девяносто с лишним процентов туннеля. Осталась вроде бы самая малость, и вдруг топчутся на месте. С годами и техника становилась совершеннее, и опыта прибавилось. А вот дело не шло.

Случалось, целых два года ни одного сантиметра не снимали со «лба» забоя. Все мы волновались. Что называется, руки опускались. Ведь Севан тем временем продолжал мелеть. Журналисты, видимо, старались хоть как-то оправдать туннелестроителей, рассказывали читателям о том, что на пути проходчиков встала невероятной твердости порода. В одном из забоев проходчики показывали мне газету, где рассказывалось о породе крепкой, «как алмаз», и признавались: «Ах, если бы так было на самом деле. Если б была стальная порода...» Мол, давно уже воды Арпы и Ехегиса потекли бы к Севану. Никакая не скала, не гранит, не алмаз, а всего лишь... глина. Кажется, глина и есть глина. Режь, как по маслу, и дело с концом. Но глина оказалась особой. У специалистов порода эта называется «андезит гидротермального изменения». Я взял себе на память кусочек такой породы со «лба» забоя. На ощупь — гранит, и только. Но полежит такой кусочек в воде часок-другой и превращается в липкую жижу. А как по маслу не порежешь потому, что в таких породах неизмеримо высоко так называемое

горное давление. Даже в специальной литературе не описаны случаи, когда работы под землей проводились бы при горном давлении, превышающем двести пятьдесят тонн на квадратный метр. А тут четыреста пятьдесят! Однако, как выяснилось, проблема не только в большом давлении. Перед тем как спуститься в шахту № 4, где находился известный сегодня всем туннелестроителям мира забой № 9, я познакомился с документом, составленным специалистами: «В забое № 9 проходимые породы начинают приобретать взрывоопасный характер. Газодинамические явления, в частности вызванные выбросом породы и газа, происходят независимо от способа разработки и неизбежно возникают при любом способе проходки. Дело осложняется тем, что выбросоопасная зона находится под огромным горным давлением». Чугунные тьюбинги, которыми во всем мире облицовывают стены туннелей, здесь, на глубине почти семисот метров, не выдерживали нагрузок. Я видел, как чугун превращался в гравий. Нужно было найти другой материал. Значит, необходимы эксперименты. Значит, нужно время. Новые сроки. Помогли ученые. Единственное спасение, сказали они, — железобетонные блоки. Ими обкладывали стену полукольцом. Я посчитал. Двенадцать блоков с боков и один, замковый, сверху. Ширина каждого блока — около полуметра. Одно такое полукольцо бригада устанавливает за сутки, а то и за двое. Ведь прежде надо сантиметр за сантиметром выскрести породу со «лба», подставляя со всех сторон опоры. Ибо, как мы уже знаем, со всех сторон одновременно давит четыреста пятьдесят тонн. И такое вот состояние на протяжении целого километра. Только на одном этом участке «топтались» несколько лет.

Девятый забой был глухим. Никакой сквозной вентиляции. Воздух подавался через огромные трубы, которые висели под самым потолком просвета туннеля. Если в других забоях мерзлы от холодных сквозняков, то здесь форма одежды — пляжная. Температура доходила до сорока градусов. Курящие бросали последние окурки еще в лифте, который спускался за восемь минут. Последняя затяжка и, так сказать, за борт. Совсем как при погружении подводной лодки. По технике безопасности, кроме обязательной каски нужно было носить на себе баллончик с кислородом и маску.

Примерно в двенадцати километрах от Севана, точнее — от выходного портала канала, проходчики пережили, пожалуй, одну из самых страшных катастроф. Сто тридцать метров гото-

вого участка. Вырыт туннель диаметром около четырех метров. Обложены стены тубингами. Забетонированы. Участок полностью готов к сдаче. На протяжении всех ста тридцати метров проходят рельсы, гигантские трубы, электропроводка. Здесь электровозы, различная техника. И вдруг... выброс. Слово это, так сказать, специальное. Но даже специалисты тщетно пытаются объяснить смысл и суть его. Да, чтобы по-настоящему понять и представить себе, что это такое, нужно, наверное, увидеть глазами результаты самой катастрофы. Тут никакие объяснения не помогут. Над участком в сто тридцать метров работали почти год. И за несколько мгновений выброс наполнил породой все сто тридцать метров. Под землей, вернее, в земле, в породе, оказалось все, что находилось в просвете туннеля. Нужно было начинать все сначала — вычищать наполненный выбросом просвет. Другого пути не было. И ребята работали. Они торопились. Спешили.

Пока еще нет бесспорной теории, объясняющей явление выброса. Считают, что сжатый газ находится в кристаллическом состоянии. И под воздействием трений при высоком горном давлении происходит сильный взрыв. К счастью, за всю историю строительства Арпа — Севана отмечалось только четыре крупных выброса. А признанный специалист-горняк профессор В. И. Николин считает, например, что выброс, подобный тому, что произошел в шахте № 3, нигде в мире не наблюдался. Как тут не сказать, что перед туннелестроителями, представителями двадцати восьми национальностей Советского Союза, природа ставила все новые неожиданные испытания. И не случайны на стенах очищенного от выброса туннеля слова, написанные на разных языках: «Арпа — Севан — это дружба». «Спешите, Арпа и Ехегис, к нашему Севану», «Горю Севана можно помочь только чистыми руками».

Накануне нового, 1980 года произошло то, чего так долго ждали. Последняя сбойка. Все тоньше и тоньше стенка, называемая с двух сторон «лбами» забоя. Еще мгновение — и слово это практически исчезнет из лексикона строителей Арпа — Севана. Никакого «лба». Исключена из штатного расписания самая главная специальность — проходчик. Об этом мне говорил на следующий день после последней сбойки начальник шахты № 3 Юрий Мкртчян, работающий на стройке с 8 мая 1963 года. То есть задолго до того первого взрыва у села Кечут. Он с удовольствием сказал, что отныне слово «проходчик» здесь потеряло свое прямое значение. В самом деле, слово это от глагола

«проходить». Все уже было пройдено, все до последнего сантиметра. Все сорок восемь километров четыреста метров. Четыре миллиона восемьсот сорок тысяч сантиметров.

Пока еще шли, что называется, отделочные работы в туннеле, началось наполнение Кечутского водохранилища. Вскоре родилось на высоте более двух тысяч метров небольшое искусственное море. Длина — восемь километров, ширина — три километра. Площадь — около ста тридцати гектаров. Бывшее село Кечут оказалось на дне «моря». Но село есть, и оно здравствует. Государство построило выше по склону горы новые добротные дома. Кечут стал портовым населенным пунктом. Там живут животноводы, механизаторы и... рыбаки. Есть большой водоем, значит, есть уже и серьезное рыбное хозяйство. Вокруг изумрудный высокогорный лес. Здесь отдыхают гости Армении, прибывшие со всех концов страны в Джермук.

21 марта 1981 года в Ереване — теплый весенний день. С раннего утра вереница машин направляется к Севанской трассе. На лицах улыбки. Никто не скрывает своего волнения.

Машины ползут медленно. Как-никак Севан выше Еревана на целую тысячу метров. Не доезжая до кромки озера, поворот направо. На дорожном знаке написано: «Камо». Город носит имя пламенного революционера, верного соратника Ленина Симона Тер-Петросяна (Камо). К торжествам по случаю открытия туннеля построена новая асфальтированная дорога, ведущая к селу Цовинар.

Яблоку негде упасть. Люди поют. Танцуют. Из громкоговорителей льется музыка. Накануне открыли шлюзы выходного портала на Кечутском водохранилище, и вода, преодолев почти пятьдесят километров за семь часов, показалась у выходного портала. Смотришь на то, как целая река течет в Севан, и не верится. Не случайно же говорится: чтобы поверить, надо потрогать руками. И люди трогали. Набирали в ладони воду и обдавали ею лицо, подставляя щеки солнцу. Наиболее отчаянные купались в Севане.

Свершилось.

Из динамиков раздалось: «Ваш героический труд, проложивший дорогу сквозь высокие горы, навеки останется в благодарной памяти людей как прекрасное свершение нашего времени...»

Прекрасное свершение...

Севан спасен. И это осязаемый факт. Отныне ни на один сантиметр не будет падать уровень озера. Но и не поднимется

тоже. Практически воды Арпы и Ехегиса пойдут на орошение полей республики. Так что озеро спасено на сегодняшнем уровне, сохранится, так сказать, статус-кво. Но, по данным ученых, для возрождения былой биосферы необходимо уровень воды поднять примерно на пять метров. Дело в том, что большое снижение уровня изменило температурный режим воды. Отсюда и изменение биологического равновесия. Ведь попуск воды, уменьшив зеркало озера всего на 10 процентов, сократил его объем почти наполовину. На съезде КПСС подчеркивалась необходимость дальнейшей охраны ресурсов озера Севан. В союзных органах разработаны мероприятия по поднятию уровня озера. Учреждены границы национального парка «Севан», заказников и территорий с режимом заповедника в пределах национального парка. Кроме того, проводятся практические работы по переброске в Севан части вод рек Воротан и Гетик. То, что все это в скором времени будет осуществлено, ни у кого не вызывает сомнения. Поручкой — само строительство Арпа — Севана.

Рассказывают, как Аветик Исаакян, знавший великое множество пословиц и поговорок, сказал одному из «специалистов», ратовавших в свое время за снижение уровня Севана: «Кто равнодушен к будущему, тот не заслуживает звания человека».

Именно потому и мы, совершив путешествие в прошлое Севана, хотели бы заглянуть и в его будущее. Ибо будущее нашего края невозможно представить без Севана, который сегодня спасен, так сказать, количественно. Однако, говоря о будущем, ученые и специалисты имеют в виду и вопрос качества воды.

В одном из медицинских очерков о сердце я прочитал очень верную мысль: «Да простят нас влюбленные и поэты, но сердце всего-навсего нагнетательный насос». Сказано сухо и прозаично. Может быть. Но сказано верно. Поэты сравнивают Севан не только с жемчугом, но и с сердцем. Говорят о «пульсе» Севана, о «сердце нашей земли». Но вот недавно читаю у суровых реалистов, наших ученых и специалистов, слова тоже далеко не поэтические: «Озеро Севан — это единственный перспективный источник централизованного хозяйственно-питьевого водоснабжения населенных мест маловодной Армянской ССР...» Добавим к этому и то, что севанская вода, похожая на «кусочек неба, упавший на землю», — это не просто вода. Не просто вода-руда. О ней ученые пишут более конкретно: «Невосполнимый источник сырья». Именно поэтому речь идет не просто о воде, а, как уже говорилось, о вековых запасах.

Один из многоопытных специалистов отечественного водного хозяйства В. М. Секоян рассказывает, как в конце сороковых годов можно было подойти с кружкой в руках к берегу, черпнуть водички и напиться. В то время минеральных веществ, в том числе азота, из так называемых антропогенных источников (отходы от деятельности человека) было мизерное количество. В начале шестидесятых годов, когда, кстати, озеро уже порядком обмелело, в него смывалось ежегодно до сотни тонн азота и восьми тонн фосфора. Через десять лет цифры эти удвоились. А потом еще возросли. В счет не берется все остальное, все другие химические и нехимические вещества. Цифры, особенно для большого Севана, чудовищные.

Сотрудники Республиканского научно-исследовательского института научно-технической информации и технико-экономических исследований установили, что около 90 процентов азота и 60 процентов фосфора, поступающих в озеро, — отходы животноводства и применяемых в бассейне удобрений.

Вокруг Севана живет около двухсот тысяч человек. Канализацией охвачены лишь 15 процентов населения. Около 7 процентов азота и 40 процентов (!) фосфора попадает в озеро в качестве бытовых отходов. По данным Министерства сельского хозяйства республики, в водосборном бассейне Севана ежегодно применяется до пятидесяти тысяч тонн минеральных и большое количество органических удобрений. Если вспомнить, что практически все хозяйства и угодья расположены на склонах, нетрудно представить, что немалая часть удобрений вместе с тальми водами попадает прямо в озеро.

Специалистами проведено прогнозирование поступления биогенных элементов в озеро. Прогнозы более чем драматичны: если своевременно не будут осуществлены водоохранные мероприятия, то вряд ли уже в обозримом будущем удастся спасти «родниковость» Севана. Увеличение поступления химических веществ опасно усугублением севанской болезни — эвтрофикации — загрязненности биогенами. А это в свою очередь приведет (в некоторых местах уже привело) к опаснейшему явлению — «цветению» воды синезелеными водорослями. Тут уж не то что пить нельзя будет, но, как говорится, и близко не подойдешь к воде.

«Время лечит». Трудно согласиться с этой древней, как мир, мудростью применительно к Севану. Тем более что хорошо известно: при некоторых болезнях время — враг. Не случайно человечество вынуждено было учредить службу «скорой помо-

ши». Вода Севана нуждается в скорой помощи. Если мы сегодня не позаботимся о том, чтобы в самые короткие сроки завершить строительство кольцевого канализационного коллектора, по которому будут выведены все сточные воды до последней капли, образующиеся в Севанском бассейне, то завтра будет фатально поздно.

Не выдерживают критики предложения иных специалистов об агрохимических мероприятиях, направленных на рациональное (?) применение минеральных удобрений. «Рациональное» — это значит «целесообразное». Трудно поверить, что вообще целесообразно применять удобрения хотя бы в количестве одного грамма. Необходим полный отказ от химических и органических удобрений в бассейне Севана. Другой альтернативы у нас нет.

За четверть века миллионы тонн удобрений применены в Севанском бассейне. Из них внушительная часть вместе со смывными водами поступила в Севан. Могут возразить: мол, ничего не поделаешь. Время, мол, нынче такое. Нельзя без удобрений. Конечно, легче всего во всем винить время. Но ведь оно, время, имеет только одно измерение. И всякий материальный процесс, как известно, развивается только в одном направлении — от прошлого к будущему. Так что и в будущем будет свое «время». Но будет ли тогда вода Севана питьевой? Что же касается удобрений, то жизнь показывает: на такой огромной высоте они практически никакой пользы не дают. С каждым годом увеличиваем количество удобрений. Однако урожайность заметно не повысилась. Рекордные годы наблюдались во все времена. В том числе и тогда, когда вовсе не прибегали к «химической взятке». Высокая урожайность зависела, как говорится, от года. А год зависел и от самого Севана тоже. И все же: если бы даже удобрения внушительно повысили урожайность того же картофеля, других сельхозкультур, то и тогда следовало бы начисто отказаться от них во имя будущего Севана.

Все побережье испещрено каналами. В бассейне озера находится около пятидесяти межхозяйственных каналов и канав. Имеется более десяти мощных насосных станций, с помощью которых выкачивается огромное количество воды. Министерство водного хозяйства республики составило конкретный и оптимальный план водозаборов на орошаемый период. Кроме «узаконенных» насосных станций существует еще великое множество частных установок. Выкачанная вода обратно поступает в озеро. Но это уже не та вода.

Не успев родиться на свет, Кечутское водохранилище уже «вбирает» в себя до десяти тонн азота в год. Говорят, само движение очищает воду. К сожалению, движение воды в туннеле не только не очищает воду, а, скорее, загрязняет. Вот запись ученых-исследователей: «В туннеле Арпа — Севан отсутствуют условия, необходимые для самоочищения воды. Тут нельзя исключить возможность ухудшения качества воды. В первую очередь это касается кислородного режима и минерализации органических веществ». Единственный выход: подавать в туннель заведомо очищенную воду. Прежде всего необходимо канализационный коллектор курорта Джермук полностью вывести из зоны Кечутского водохранилища. Для нас Кечутское водохранилище, верховья Арпы так же дороги, как и каждая капля Севана. И надо неукоснительно соблюдать закон, учрежденный для заповедников. А такой закон у нас есть.

Одним из самых надежных и естественных факторов очищения севанской воды считается жизнедеятельность фауны и флоры озера. Особая роль в этом отношении у форели. Но изменение параметров озера отрицательно сказывается и на ишхан-дзук (князь-рыбе). Катастрофически падает «плотность населения» этой уникальной рыбы. Из всех рыб, обитающих в Севане, лишь ишхан-дзук является подлинным аборигеном. И биологическая взаимосвязь этой рыбы с севанской водородой за долгие века привела к тому, что они не могут жить друг без друга. Даже мертвый ишхан-дзук своим разложением помогает Севану. И потому непоправимый вред озеру наносит хищнический улов этой рыбы. Современный браконьер стал просто бичом Севана. И вряд ли можно ожидать успешной борьбы с ним, если мы сами не откажемся от его «услуг». Откажемся ради великой цели — спасения родниковости Севана. Специалисты утверждают: если хотя бы лет на пятнадцать — двадцать отказаться от лова форели и применения в округе химикатов, озеро можно спасти для внуков и правнуков. Выходит, одно поколение должно, как сказано у поэта, «себя преодолеть». Отказаться от употребления севанской форели. Отказались же мы от рубки зеленых елок под Новый год и тем самым для нашей каменистой республики спасли около полумиллиона десятилетних деревьев, которые «кормят» кислородом до двух миллионов человек. Уже сейчас я знаю многих людей, которые просто не едят ишхан-дзука. Хотя любят этот деликатес не меньше других. Это не фанатизм. Это — высокий принцип. Нет ничего циничнее и безнравственнее, чем гово-

речь горячие речи, пить за здоровье Севана, ругать на чем свет стоит браконьеров и при этом уплетать за обе щеки красную форель, которой место не на пирушках, а в Красной книге. Иногда свои действия оправдываем тем, что хотим непременно угодить доброму гостю. Недавно один из действительно добрых гостей Армении, хорошо знающий всю остроту проблемы Севана, выразил свое искреннее уважение тем, кто решил до конца дней своих исключить из меню ишхан-дзука. Гость записал в блокнот слова, которые пришлось ему по душе: «Какой смысл в том, что мне еще достанется севанская форель, а моему внуку или правнуку — нет?»

Только за последние годы ЦК КП Армении и Совет Министров республики вынесли несколько постановлений о мерах по охране и рациональному использованию природных ресурсов озера Севан. Речь в них идет о задачах конкретных, о задачах, решение которых является обязательным, как закон. После серии публикаций в печати я вновь совершил продолжительное путешествие по Севанскому бассейну. И чаще всего моими спутниками были откликнувшиеся на статьи читатели. Одним лишь писательским трудом невозможно показать суть самой драмы озера. И я обратился за помощью в республиканскую прокуратуру, которая в первую голову призвана наряду с правоохранительными органами контролировать выполнение постановлений партии и правительства. Данные, которые я привожу здесь, выверены в соответствующих правоохранительных органах — Комитете народного контроля, Республиканском управлении Госстандарта.

Один только перечень решений показывает, насколько многогранна сама проблема Севана. На основании этих важных партийных и правительственных документов соответствующими райкомами партии и райисполкомами, министерствами, ведомствами, административными органами разработаны необходимые конкретные меры, направленные на одну, в конечном итоге, главную цель — спасение Севана во имя будущих поколений.

Есть все предпосылки для подлинного спасения нашего последнего родника. Остается только, что называется, засучив рукава трудиться, осуществить планы партии. Однако, по данным прокуратуры республики, ни один из контролирующих органов — ни гидробиологическая и санитарно-эпидемиологическая станции, ни бассейновая инспекция, ни управление «Армрыбвод», ни дирекция Национального парка «Севан» —

не проводят в полном объеме необходимой работы по охране окружающей среды и рыбных запасов озера.

Как уже отмечалось, основными источниками загрязнения Севана являются минеральные удобрения, которые вместе с атмосферными осадками по склонам гор смываются в воды озера. Дополнительные проверки установили, что по сей день продолжает нарушаться установленный законом порядок складирования, хранения и использования минеральных удобрений.

Из тридцати хозяйств района имени Камо одиннадцать не имеют типовых складов для хранения ядовитых химических веществ. Нет их и во многих селах Варденисского и Мартунинского районов. Только за несоблюдение транспортировки ядохимикатов многие руководители хозяйств были строго наказаны. Но по-прежнему продолжают сновать по полям Севанского бассейна открытые самосвалы, которые на ухабах буквально сеют яд. В некоторых селах мешки с ядохимикатами были брошены на поля под открытым небом. Упаковка расплзлась по швам. И в концентрированном виде ядохимикаты попали непосредственно под снег. А весной мы стали свидетелями, как талые воды смывали яд в реки. А ведь это не просто реки. Рыбоводы с поэтической душой их называют реками — родильными домами. Именно сюда, в устья рек, согласно генетическому коду, рыбы идут на закладку икры. Здесь рождается новая жизнь. Здесь обитают мальки форели, выпущенной с рыбоводных заводов...

...Около двух десятков промышленных предприятий Севана и многочисленные объекты зоны отдыха Севанского побережья продолжают ежегодно, ежечасно загрязнять воду. Мы часто, говоря о сточных водах, попадающих в Севан, применяем довольно абстрактное слово «неочищенный». Но слово это непосвященному мало о чем говорит. Вот я и решил по подсказке читателей расшифровать это «абстрактное слово». По данным Севанской бассейновой инспекции и гидрохимической лаборатории, в сточных водах завода (местного) уровень загрязнения превышает допустимые нормы. Почти на всех предприятиях первичные и вторичные отстойники находятся в нерабочем состоянии и заполнены застоявшейся водой. В Зоне имеющийся комплекс очистных сооружений шахтных вод находится в запущенном состоянии и бездействует. Тонны и тонны производственных сточных вод без какой-либо предварительной очистки, коагуляции, отстаивания и хлорирования сбрасываются в нерестовую реку Масрик.

Для очистки и обезвреживания промышленных и коммунально-бытовых сточных вод в Севанском бассейне пока построены двадцать три биологических и химических сооружения. В настоящее время строится еще шесть таких объектов. Нет, пожалуй, надобности приводить здесь перечень названий районов, поселков, предприятий — они хорошо известны. Но скажем: строители не соблюдают установленных сроков. А те сооружения, которые построены, функционируют из рук вон плохо, если не сказать — преступно плохо.

Самый большой промышленный центр Севанского бассейна город Камо до сих пор не имеет очистного сооружения. Стоки городской канализации и всех предприятий сбрасываются в реку Гаварагет, самую загрязненную на сегодня в бассейне. Строительство биологического очистного сооружения в Камо начато еще в 1978 году, оно должно было быть завершено через три года. Но еще и на шестой год не освоено даже половины сметной стоимости важнейшего для республики объекта...

...Рыбным запасам Севана наносят непоправимый вред не только грязные воды, вливающиеся в озеро. Бедные рыбы словно между двух огней. Они страдают и тогда, когда вливают воду, и тогда, когда, так сказать, выливают. Ибо водозабор осуществляется без рыбозащитных устройств. В результате этого мальки рыб вместе с водой попадают на поля. Рыбозащитных устройств нет на Севанской ГЭС, во многих хозяйствах и на насосных станциях районов, обрамляющих озеро. Уникальная рыба гибнет, едва успев появиться на свет. Избиение младенцев, и только. Холодной и преступной рукой выбрасывается ежегодно из озера на поля республики более тридцати тысяч рыб. Подобное преступление сродни браконьерству, но в отличие от него остается совершенно безнаказанным...

А вот то, что касается собственно браконьеров. Цифры, которыми располагает республиканская прокуратура, сами по себе впечатляют. Только в течение одного года конфисковано пятьдесят семь плавучих средств, около тысячи других орудий хищнического лова. Однако даже эти данные не отражают подлинной картины бедствия. Вот строки из официального документа: «Нередки случаи, когда работники органов рыбоохраны, прикрываясь своим служебным положением, создавая видимость борьбы с браконьерством, сами занимались хищническим ловом рыбы». Строго наказаны в административном и уголовном порядке многие работники контролирующих органов бассейна. Поражает воинствующая круговая порука, столь

распространенная среди многих работников органов рыбоохраны. Только за два последних года за различные нарушения было составлено тысяча пятьсот актов. И лишь два дела было передано в следственные органы.

Вызывает недоумение тот факт, что небольшое по своим масштабам озеро имеет несметное количество контролирующих органов и организаций, и при этом отсутствует хоть какая-либо система разграничения обязанностей между ними. По официальным данным, пятьсот семьдесят штатных инспекторов (нештатные вообще не поддаются учету) практически выполняют одни и те же функции, зачастую не только дублируя друг друга, но и мешая друг другу. Уму непостижимо, когда учреждено подобное штатное расписание? Например, почему именно двести работников различных органов обладают правом беспрепятственного выхода в озеро на плавучих средствах? По материалам прокуратуры республики и Комитета народного контроля, именно они в первую голову «злоупотребляют служебным положением, занимаются ловом рыбы и продажей ее по спекулятивным ценам!».

...Я убежден: с браконьерством, как с чудовищным злом, можно успешно бороться только и только с помощью общественности. Прежде всего, ради будущих поколений, как уже говорилось, придется каждому из нас отказаться от употребления севанской форели, без которой трудно себе представить самоочищение Севана. Конечно, для этого еще предстоит немалая работа нашей пропаганды, нашим творческим организациям. Но, пока суд да дело, необходимо упорядочить и скоординировать систему контроля над озером. Специалисты, изучившие проблему, рекомендуют резко сократить как число контролирующих органов, так и их штатное расписание. Необходимо четко разграничить права и обязанности каждого из работников рыбоохранной системы. Например, вызывает недоумение и удивление тот факт, что из ста работников управления «Армрыбвода» девяносто два человека наделены правом свободного выхода в озеро на технических плавсредствах. И вообще, не настала ли пора решительно пересмотреть число плавсредств, испускающих отработанные газы и отходы нефтепродуктов в спасенное озеро? Если каждому из нас хорошо известно, что Севан в недалеком будущем — это и климат, и экология, и жизнеспособность для целого края, то как же можно действовать полумерами?! Как можно позволить, чтобы двести человек (только штатных) вольготно бороздили поверх-

ность чудом спасенного озера? Обязанности по охране запасов озера, как это делается уже в других заповедных водоемах страны, необходимо возложить лишь на одну специализированную службу, по типу Госавтоинспекции.

Сегодня, когда Советская власть спасла от гибели Севан, мы отчетливо осознаем: наше будущее теперь зависит от качества вековых запасов вод озера. Мы без устали называем его «самым красивым в мире», «самым большим из всех высокогорных озер мира». Подобный «патриотизм» ни к чему. Да Севан вовсе и не «самый-самый». Есть озера и покрупнее, и повыше расположенные. Озеро Титикака, например, в Южной Америке почти в семь раз больше Севана и расположено на высоте около четырех тысяч метров.

Разумеется, Севан относится к уникальным водоемам мира, а для нас, пожалуй, действительно самое красивое на всей планете. Но сегодня, согласитесь, куда важнее сухое определение ученых: «Севан — единственный перспективный источник централизованного хозяйственно-питьевого водоснабжения населенных мест маловодной Армянской ССР», — чем все хвалебные оды в его честь. Вдумаемся, осознаем: речь идет о единственном роднике для нашего народа. О единственном и последнем роднике.

Армянский народ из опыта своей истории хорошо знает: разрушенный до основания храм можно восстановить, можно возродить улыбки на лицах детей, свет в глазах слепых. Но никому не удавалось оживить высохший родник. Его можно только сохранить, сберечь, отчетливо понимая: время — враг. К великому счастью, у Севана есть и истинный друг. Мудрость нашего народа. Мудрость действенная.